

ВЕЧЕРНИЕ ЧАСЫ,
или
ДРЕВНИЯ
СКАЗКИ
СЛАВЯНЪ

ДРЕВЛЯНСКИХъ.

ЧАСТЬ IV.

МОСКВА

Типографіи Компанії Типографической,
съ указанаго дозволенія,

1788.

СКАЗКИ ДРЕВЛЯНСКІЯ.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

ВЕЧЕРЪ XXXVII.

Заключеніе поѣстїи о Вадимѣ.

Семірѣ первой приступилъ исполнить во-
лю своей родительницы, и поѣсивъ сѧ
приключеніе свое сначала, такъ какъ уже
описано оное во Второй Части. По томъ
продолжалъ оное слѣдующимъ образомъ:

— Раны, мною полученные, удер-
жали меня въ войскѣ Славянорусскаго Князя
до самаго опѣзду Русимова въ Хомоградѣ.
Опушшившіе Арсены умножило душевную
скорбь мою, и воспалило сполько мои раны,
что ощаялись обѣ моемъ выздоровленіи. Я
всегда не считалъ себя щастливымъ въ
моей страсти, однакожъ сполько ласкалъ
себя со стороны дружбы, оказываемой мною

Часть IV. А 2.

мною

мою мою любовницею, что не зналъ, къ че-
му приписать надлежало нечаянной ош-
бѣдѣ ея, и особенно во время моей болѣзни.
Какъ скоро могъ я сѣсть на коня, ош-
правился искать несправедливую Арену,
чтобъ укорить ее, и либо унанть причину
сuroваго ея поступка, или умереть предъ
ногами ея, когда произошло то отъ презрѣ-
нія ко мнѣ. Но куда могъ я обратиться?
Всѣ разведыванія мои остались пущены: ни-
кто не зналъ ни объ Аренѣ, ни объ Ноа-
нѣ. Спрашивая по областямъ Славянорус-
скимъ, заключилъ я предпріять путь мой
въ обры; ибо мнилъ, что не куда любов-
нице моей удалишься, кромѣ въ ея ошече-
ство. Я нашелъ дворъ Князя Обрскаго под-
верженій сугубой печали какъ о пѣнѣ
Княжны единственной наследницы престола,
кому считали содержимою въ оковахъ въ Хе-
моградѣ, шакъ и о погибели войскъ, послан-
ныхъ на помощь Худояру, изъ которыхъ
спаслось самое малое число. Я сочель за
важное уведомить Государя Обрскаго, что
несправедливъ слухъ тотъ, по которому счѣль
онъ дочь свою пѣнницу Славяноруссовъ, и
представъ предъ него, рассказалъ все, что
зналъ объ описушствіи ея изъ войскъ Гар-
дориковъхъ. Обрадованный тѣмъ Князь Об-
рскій удержалъ меня нѣсколько времени
при дворѣ своемъ, и разослали множествомъ

Весь—

Вельможъ въ разныя государства для привѣдыванія обѣ ней. Не знали, что заключиша о причинѣ сего пошупка ея, и утверждали, что отвращеніе ея къ супругу, которому она была назначена по принужденію, принудило ее удалившись отъ своего отечества. Родитель ея приходилъ отъ того въ отчаяніе, и проклиналь злоупотребленіе своей власхи; но все шо не приносило отрады моему сердцу: я положилъ жердое на мѣркѣ сыскать ее, или умереть въ отчаяніи. Осшибивъ Обры, проѣхалъ я многія страны, но нигдѣ не могъ получишь ни малаго свѣденія; возлюбленная моя Арена и вѣрной ея Ноанѣ, шакъ сказашь, какъ бы въ воду упали. Въ горески моей рѣшился я прибѣгнуть къ Бужанскому боговѣщалицу, и вопросиша о судьбѣ моей; куда и прибыль безъ вскихъ противныхъ приключеній. Не спашу я описывашь великолѣпіе храма и зданій служебныхъ, посвященныхъ машери богоў: оныя довольно извѣсны, а скажу щомъко, что по прѣбадѣ моемъ ко вратамъ ограды, по первомъ вопросѣ отъ приврашника, предсказанъ былъ я предъ верховнаго жреца. Оный принялъ меня съ отмѣнною ласковостію, и между шѣмъ, какъ повелѣлъ пріугожовлять надлежащее къ угощению моему, сшарался вывѣдать отъ меня, жити я шаковъ, какъ называюсь, и какія

причины приводятъ меня къ богоизвѣщалницу. Я не замѣрѣнъ бытъ сѣть него скрывать о себѣ; рассказалъ все, и могъ замѣтишь, что выслушивалъ очи меня съ удовольствиемъ. Послѣ вкуснаго ужина ошвѣли мнѣ бѣгло-убранной покой въ гостиннице, гдѣ я и заснулъ. Предъ воскожденіемъ солнца присланный очи верховнаго жреца разбудилъ меня, повелѣлъ мнѣ омыться въ водахъ священаго Буга, и взвѣлъ меня въ святилище Златой - базы. Когда жерпва воспалена была предъ искушаніемъ, паль я по данному мнѣ наставлѣнію ницъ лицемъ, и ожидалъ ошвѣшу. Чрезъ нѣсколько минутъ послышалъ я согласіе разныхъ музикальныхъ орудій, и великое благованіе, наподобившее весь храмъ, а по томъ изъ внутренности храма проліявшился ко мнѣ садьюющія слова: „Шесшвуй Семірѣ къ предсказашельници, обишающей въ странѣ Славянорусской, Тамо узнаешь ты всѣ подброски, ошносишися до судьбы твоей.“ Ошвѣшъ сей принесъ немалую отраду страждущему месиму сердцу; одаривъ всѣхъ священнослужителей, отправился я въ страны Славянорусскія, и по нѣкоторыхъ поискахъ ошкрылъ путь къ пещерѣ обишающей мою родительницу. Сколько ни обрадованъ я мою находкою, всѣрѣчу съ возлюбленными мнѣ особами, и объясненіемъ неизвѣстной до-

седьмь

?

сель судьбы моей: но долженъ признаться,
что потребно время для исцеленія душев-
ной моей слабости. Сердце мое, привыкшее
любить страшно, не удобно согласившись ли-
шишь себя всѣхъ надеждъ. — — —

Окончавъ повѣсть свою, онъ вздохнулъ,
обнялъ браша своего, и закрасившись умолкъ.
Минима Арена, или искинный Нурединъ,
рассказывалъ по томъ приключенія своимъ слы-
шавшимъ образомъ:

— — — — — Начало первыхъ случаевъ жиз-
ни моей извѣсно уже изъ повѣстований
Ардоланова: то есть что онъ купилъ ме-
ня у купца торгующаго невольниками, и
подмѣнилъ на мѣсто дочери Кназя Обрскаго.
Когда началъ я разсуждать, весьма удиви-
тельна казалась мнѣ причина, для которой
скрывающій полъ мой, Хотя мамка моя без-
престанно твердила мнѣ, что омъ сего
такнисща зависитъ благополучіе предыдущихъ
дней моихъ: но я не могъ вѣрить,
чтобъ могъ быть я щастливѣе подъ назва-
ніемъ пришборнымъ, нежели подъ моимъ
собственнымъ. Однако мамка моя сподъ-
ко успѣла внушить мнѣ суевѣрія, чио опре-
дѣлилъ я до иѣкотораго времени, когда
судьбѣ угодно будешь сложить съ меня при-
нужденное мое состояніе, сохранивъ мою
тайну. Прибытие ко двору Кназя Обрскаго
браша моего Семира приесло мнѣ великое

удовольствіе. Не посмѣял о жонъ, чио
дѣйствіе единокровіа раждало къ нему въ
душѣ моей, съ первого взгляду возвѣщавшіе
и къ нему искреннее дружество. Но
произшедшая въ сердцѣ его комѣ спрасить,
не могла надолго отъ меня ушаниться, и
произвела великое мнѣ беспокойство. Стра-
даніе, приключаемое ему мимою икою хо-
лодноснію, подвергло его сильнѣ жестокими
мученіями, что я не могъ видѣть очныхъ
равнодушно, и старалась упѣшить его, съ-
кращаю покушалась открыть ему мое знани-
шво; и тѣмъ вывести изъ заблужденія.
Впрочемъ произшедшее омы спрасили ко мнѣ
Худяковой, извѣстно уже наѣ повѣсив-
ванія *Семироба*. Гордый бунтовщикъ, воз-
намѣрился первыми успѣхами непродолжи-
тельнаго своего щасія, помышля о дер-
жавствѣ своемъ возвышеніи, не позабывъ
о спрасити своей же мнѣ, и требовать же-
я у мнѣаго роднаго шего въ супруже-
шво; а пришомъ и иѣсколько войскъ на
помощь къ досажденію своему на Славяно-
русскій пресподѣль. Князь Обрскій, осѣѧлен-
ный успѣхами оружія бунтовщика сего, не
сомнѣвался, что оный удобно свергнешъ *Гар-
дорика*: и пошому союзъ съ нимъ полагать
за весьма выгодный. Словомъ сказали, по-
мощное войско было собрано, и я опредѣ-
ленъ въ супругу разбойнику. Не могу я до-
воль-

удобно изобразить замъ шогдашнаго моего
смѣшенія. Оказанный съ моей стороны со-
прошивленія лишь раздражали мнемаго мо-
его родителя, и побуждали его сдержать
свое слово, которое далъ онъ безъ моего
согласія. Я видѣлъ себя приведенна въ край-
ностъ открыться въ штанистѣ, могущемъ
вдругъ остановиши всѣ его намѣренія; одна-
ко предразсудки ли, вкорененные со споро-
ны суевѣрія, или воля судьбы учинили то,
что я сохранилъ скромность. Оказалъ себя
покорнымъ волѣ Князя Обрскаго, разсуж-
далъ я о способахъ, какимъ бы образомъ
отлучиши изъ войскъ посланныхъ Худоя-
ру на помощь, не разгневаю чрезъ то мо-
его родителя, и не находилъ въ томъ за-
трудненій въ разсужденіи моего пола. Должно
отчасти признаться, что склонность моя
къ оружію, и дружесство, чувствуемое къ
брату моему Семіру, были главнымъ по-
бужденіемъ моей скромности. Впервыхъ
полъ мой пріуготовлялъ къ иному, нежели
въ чёмъ старались воспишать мене, и я
хотѣлъ узнать обстоятельства воинскіе об-
ряды; а вовторыхъ, не могъ я сносить
разлуки съ Семіромъ: и для того послалъ
къ нему съ письмомъ вѣрнаго моего Ноана.
Не сомнѣвался я, что онъ, узнавъ о участіи
моей, послѣшилъ ко мнѣ на помощь; при-
чемъ могу я съ инициативы увидѣвшись открыть-

ся, по какимъ причинамъ не можешь съ
ожидать отъ меня, кроме дружесства. Послѣ
чего намѣренъ былъ я съ нимъ сѣдовашъ
ко Двору Короля Козарскаго, и пробывъ
тамъ нѣсколько, возвратишься въ Обры.

Междуди шѣмъ, какъ слѣдовали мы къ
войскамъ Худолровымъ, нашелъ я способъ,
пересѣдѣвшись въ рыцарское вооруженіе,
жайно оставилъ Обровъ. Хотя позорище
военное привлекало меня къ себѣ, но и
склонность моя къ Семіру была не менѣе
оной. Ноанѣ не возвращался: и для того
направилъ я путь мой въ Козары; однако
тамъ не нашелъ я, чего желалъ. Семіръ въ
то гремя отправился съ Ардоланомъ при
посольствѣ къ Королю Готифскому, а съ
нимъ и вѣрной мой Ноанѣ. Не сочтя за
нужное открытию появившися при дворѣ Аб-
радатовомъ, задумалъ я возвращаться въ
войска Худолровы; ибо уповалъ, что удо-
вольствуя склонность мою къ войнѣ, могу
дождаться тамъ прибытия въ войска Сла-
вянорусскія Семіра; а пришомъ выѣздавъ
обстоятельно о силахъ бунтовщика сего,
могу быть полезенъ справедливой сторонѣ,
изъ которой намѣренъ былъ я перейти,
какъ скоро прибудетъ туда Семіръ. При-
бывъ въ войска Худолровы подъ именемъ
богатыря изъ страны Горянскія, вскорѣ
узналъ я, что отсущшіе мімой Княжны

Обрской приключило ему великую печаль. Не опасался я предшашь предъ Худоляра въ разсуждении того, что жеста бы онъ и вклепался въ лицо мое; но поль мой училъ меня безопаснымъ отъ гоненій сего свирѣпаго любовника. Въ самомъ дѣлѣ Худоляръ смотрѣлъ съ особливымъ вниманіемъ на лицо мое, когда я предлагалъ ему услуги мои въ его войскѣ; однакожъ пробившіеся тогда волосы на бородѣ моей доказывали ему ошибку его. Онъ вздохнулъ, и съ особливою ласковостію опредѣлилъ мнѣ място въ своихъ войскахъ. Не рѣдко призывалъ онъ меня къ сполу своему, и чрезъ разныя околичности старался узнать отъ меня, не въ свойствѣ ли я нахожусь Князю Обрскому. Не скрывалъ онъ и того, что чувствуешь ко мнѣ особливое дружество въ разсужденіи сходства лица моего съ иѣкошорою любезною ему особою. Но отвѣты мои, къ коимъ я заранѣе пріуготовился, не подавали ему ни малаго объясненія. Я старался удаляться отъ Обровъ прибывшихъ къ нему на помощь, чтобъ оные узнали меня, не нанесли мнѣ смысла; ибо необходимо подвергся бы я отъ шого освидѣтельствованію, которое, какъ поносное для бояшыря, принудило бы меня прежде времени оставить его войско. Напослѣдокъ услышадъ я о прибытии Козарскаго войска

на

на помощь Славяноруссамъ, и не сомнѣвалась, чтобы не присутствовааѣ при ономъ *Семирѣ*, просилъ *Худояра* о вызовѣ прошиву меня на поединокъ богатыря изъ непрѣятельской стороны. Начѣреніе мое сошло въ шомъ, чтобъ по слабомъ сопрошивленіи ошдашься въ пѣниѣ, и чрезъ то увидѣвшись съ *Семиромъ*, кѣторой помощю своею конечно не оставилъ бы меня въ неволѣ. По прозѣбѣ моей посланъ провозвѣстникъ для вызову мнѣ противника; и чтобъ лучше привлечь къ зрелицу сему *Семира*, упросиаѣ я провозвѣстника сказать, что вызовъ сей происходитъ со стороны Обрскаго Полководца, приведшаго на помощь *Худояру* войска. Нещасшie привело меня сразиться съ возлюбленнымъ моимъ *Семиромъ*, кошорсї самъ выѣхалъ на вызовъ мой, и мы другъ друга не узнали; ибо сразились съ закрытыми лицами. Мысль, вошедшая тогда мнѣ въ голову, что предавшись добровольно въ пѣниѣ моему прошивнику, учинишъ то меня военно-пѣннымъ, и въ случаѣ ошуштѣвія *Семироба* подвергнешъ неволѣ, а можешь быть и казни, какъ сообщника бунтовщиковъ, перемѣнила прежнее мое намѣреніе. Я опредѣлилъ стараться побѣдить моего прошивника, и тогда добровольно, а не пѣнникомъ перейти на сторону, защищающую законное право своего Монарха. Въ сей-то

бѣдствией ошибкѣ нанесъ я многія раны, и оспался побѣдителемъ надъ Семиромъ. Между тѣмъ какъ мы, узнавъ другъ друга, прекратили сраженіе и предстали предъ Славянорусскаго Полководца, началось нападеніе отъ войскъ Худояровыхъ. Русимъ вступилъ въ бой, а я приводила раненаго Семира до шатра его. Въ то время подумалъ я, что состояніе Семирова препятствуешь мнѣ открыться ему въ шайкѣ о моемъ полѣ. Я разсуждалъ, что любовникъ, чшолько спрасшный, лишившись вдругъ всѣхъ надеждъ, коими пышалъ себѣ чрезъ споль долгое время, не можешь смѣши равнодушно шаковой перемѣны; съ другой стороны присущество мое не могло надолго упакинь сего: и таакъ, чтобъ не произвѣсти ему вреда, рѣшился я удалившись отъ него на нѣсколько времени, и по близости къ войскамъ ожидать его выздоровленія. Вспрѣвшійся тогда со мною Ноанѣ облегчилъ выѣздъ мой изъ Славянорусскаго ополченія; я поскакала съ нимъ по первой попавшейся мнѣ дорогѣ, и рассказалъ ему причину, принудившую меня оставить Семира. Ноанѣ, которой самъ впервые услышалъ о перемѣнѣ моего пола, пришелъ въ великое удивленіе, и не зналъ къ чему приписать то, для чего воспѣвался я подъ именемъ Аѣвиды. Мы разсуждали съ нимъ о шесть

раз

разными способами; но догадки наши лишь приводили нас въ дальнѣйшее изумленіе. Ноанѣ ничего не шерялъ ошь шаковой перемѣны, и еще радовался, что судьба учинила его наперсникомъ будущаго его Князя, а не подданнымъ какого нибудь чужеспраннаго Государя. Углубившись въ разговоры, не примѣтили мы того, что заѣхали въ прегустной и великой лѣсъ, и при насташней темнотѣ ночной потеряли дорогу. Произшедшій тогда шумъ завелъ нас въ сторону, и умноживъ мрачность, принудилъ насъ, сошедшись коней, пробираясь пѣшкомъ сквозь густопу лѣса для сысканія пути къ какому нибудь селенію; ибо не бывши во весь топъ день, имѣли мы нужду въ пищѣ, также и лошади наши. По многомъ труда выбрались мы на великую поляну, и вскорѣ увидѣли вдали свѣтъ огня; мы съ удовольствіемъ поѣхали на онъ. Шестивѣа болѣе двухъ часовъ по искривленной снѣзѣ, переправляясь чрезъ крупные рвы, гусшой лѣсъ, шеряя нашу стежку, и опять онную сыскывая, прибыли мы напослѣдокъ къ воротамъ страннаго двора. Оный обнесенъ былъ высокимъ полисадникомъ, и украшенъ повсюду торчащими изъ колахъ мерзьями человѣческими головами. Видъ сей не обѣщалъ намъ хорошаго; однакожъ голодъ принудилъ насъ поспучавшись въ ворота.

рома. На звукъ сей отворилось окно въ хороминѣ, находившейся надъ воротами, и грубой голосъ вопросилъ насъ, кто мы шаковы и какую нужду имѣемъ въ его домѣ? Мы отвѣчали смѣло, что насъ двое сбившихся съ дороги пушечесшениковъ, кои имѣють нужду въ ночлегѣ и пищѣ. Но не болѣе ли васъ? спрашивалъ сей грубой всожитель, коего мы при первомъ случаѣ сочли за начальника, или присланодержателя разбойниковъ. Онь желая удостовѣриться, выставилъ въ окно пукъ лучины, и осмотрѣвъ насъ съ ногъ до головы, пошелъ отпереть ворота. Вы видѣсь будеше угощены лучшимъ образомъ, говорилъ онъ, омыкая великой и крѣпкой замокъ. Впустивъ насъ на дворъ замкнуль онь вороша по прежнему, приказалъ своему рабочнику прибрать лошадей нашихъ, и ввелъ насъ по мрачнымъ переходамъ въ свои хоромы. Покой, гдѣ онъ насъ отставалъ, освѣщаемъ быль горящую лампадою, и при помощи оныхъ разсмотрѣли мы нашего страннопрѣимца. Смирѣлъ и съ тусклою блеклостью рыжею бородою лицо его, съ плащемъ изъ звѣриныхъ вверхъ щерѣшью сдѣланныхъ кожъ, уподобляли его совершенно лѣшему. Мы разсуждали съ Ноаномъ порознь о сей всѣрѣчѣ, между шѣмъ какъ хозяинъ нашъ пошелъ стараясь обѣ ужинѣ. Искорѣ вонда хѣ намъ пригожая дѣвица,